

Роман по фильму — первому лауреату
премии «Оскар»
в категории «Лучший фильм»



Крылья

Джон Монк Сондерс



Там, где дружба сильнее страха,
а любовь — короче жизни

Джон Монк Сондерс

Крылья

«Автор»

2026

Сондерс Д.

Крылья / Д. Сондерс — «Автор», 2026

Роман рассказывает пронзительную историю Джека Пауэлла и Дэвида Армстронга — простых парней из провинциального городка Кресент-Сити, чья юношеская вражда и борьба за сердце красавицы Сильвии рушатся перед лицом Первой мировой войны. Направив свои амбиции в авиацию, они проходят путь от суровых тренировок в Техасе до смертельных боев над Францией, где вчерашние соперники становятся неразлучными крыльевыми и обретают подлинное боевое братство. Однако война оставляет глубокий шрам: роковая ошибка в небе над Сен-Миелем приводит к трагедии, которая полностью меняет жизнь Джека. Проходя через боль потери, вину и душевный кризис, он находит опору в верности Мэри Престон — девушки, отправившейся за ним на фронт водителем Красного Креста. Это масштабное историческое повествование о преодолении посттравматической боли, силе прощения и мирном послевоенном небе Мичигана, где память о павшем друге превращается не в груз прошлого, а в светлое вдохновение для новой жизни и настоящей любви.

© Сондерс Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие переводчика	5
Главные герои	6
Джон Пауэлл, Джонни	7
Мэри-Луиза Престон, Мэри	8
Дэвид Армстронг, Дэйв	9
Сильвия Льюис	10
Герман Швимпф	11
Родители Джонни	12
Родители Дэвида	13
Курсанты и инструкторы	14
Лётчики тридцать девятой эскадрильи	15
Кристин и Жюли	16
Старлинг	17
География романа	18
Темпл и Сиэтл	19
Калифорнийские школы	20
Миссисипи, Флорида и путь через Атлантику	21
Нью-Йорк	22
Иссудён и Казо	23
Туль, Верден и район Сен-Миеля	24
Париж	25
Германский тыл и Мивель	26
Часть первая	27
Падающая звезда	27
Часть вторая	40
Вы только на его уши поглядите	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Джон Монк Сондерс

Крылья

Предисловие переводчика

«Крылья» Джона Монка Сондерса — история молодых людей, для которых увлечение скоростью и мечта о полёте становятся дорогой на Первую мировую войну. Начинается она не с воздушного боя, а с обыкновенной городской лужайки, неудачной автомобильной поездки и подарка, которому родители рады куда меньше, чем их сын. Эта мирная жизнь важна: без неё невозможно в полной мере почувствовать цену того, что герои оставят за собой.

Перед вами полный перевод английского романа 1927 года. На титуле оригинального издания указано, что книга создана по кинокартине Paramount, поставленной Уильямом Уэллманом. Фильм «Крылья» стал первым обладателем награды Американской киноакадемии в категории лучшего фильма. Однако роман заслуживает внимания и как самостоятельное повествование: здесь есть место семейным разговорам, устройству старого автомобиля, подробностям лётной подготовки и мыслям, которые камера не может передать непосредственно.

Молодой Джонни Пауэлл с восторгом осваивает всё, что позволяет двигаться быстрее. Дэвид Армстронг, более сдержанный и внимательный к другим, сперва кажется ему соперником. Мэри-Луиза Престон остаётся рядом так давно, что Джонни почти не замечает её присутствия. Война изменит отношения между ними, но для понимания этих перемен нужно пройти весь путь: от университетского городка до учебных аэродромов, от первых вылетов до фронтового опыта и возвращения.

В переводе сохранены шесть частей романа, последовательность событий, диалоги и бытовые подробности. Джонни здесь носит имя, данное ему в книге, а его родной город называется Темпл и находится в штате Вашингтон. Вступительные разделы помогают познакомиться с действующими лицами и маршрутом повествования, не раскрывая его развязку.

У Сондерса соседствуют лёгкая ирония и тяжёлая фронтовая проза. О машинах он может говорить почти с мальчишеским восторгом; о людях, которые ими управляют, — с тревогой, нежностью и горечью. Мне хотелось сохранить эту смену интонаций, не превращая юношескую беспечность в заранее произнесённый приговор и не приглушая того, что война делает с человеком.

Некоторые исторические формулировки и оценки принадлежат времени создания книги. В художественном тексте они передают взгляд повествователя и его героев; это не современное историческое исследование. Военные названия, географические расстояния и авторские сопоставления сохранены в связи с самим повествованием.

Я приглашаю вас прочитать эту историю целиком — услышать не только моторы и пулемёты, но и голоса людей, остающихся на земле. Именно к ним возвращается мысль о том, ради чего человеку нужны крылья.

Владимир Давыдов

Главные герои



Джон Пауэлл, Джонни

Студент из Темпла, сын университетского преподавателя. Любит механику, умеет чинить почти всё и стремится к скорости. Старый «форд», превращённый в «Падающую звезду», становится первым большим делом его рук. Джонни порывист, самоуверен и не всегда замечает чувства окружающих. Желание летать определяет его выбор военной службы.

Мэри-Луиза Престон, Мэри

Соседка и подруга Джонни с детства. Рисует, занимается музыкой, помогает матери. Вместе с Джонни работает над автомобилем, изучает его устройство и учится водить. Когда в Темпле организуют женский автомобильный отряд, эти навыки получают совсем иное применение.

Дэвид Армстронг, Дэйв

Юноша из состоятельной темплской семьи. Воспитан в сдержанности, внешне уверен и спокоен. Его отношения с Сильвией становятся причиной неприязни Джонни. Вместе с Пауэллом он поступает в авиацию и проходит долгую подготовку к фронтовой службе.

Сильвия Льюис

Студентка, приехавшая с Востока в небольшой западный университет. Живёт в доме студенческого сестринства «Каппа». Её красота и манеры привлекают Джонни; отношения с Дэвидом имеют для неё другое значение. Фотография в серебряном медальоне связывает эти линии повествования.

Герман Швимпф

Земляк Джонни и Дэвида. Зарабатывал на учёбу ночной работой в гараже. Он тоже стремится в авиацию; его механические навыки и преданность товарищам играют в романе заметную роль.

Родители Джонни

Отец преподаёт историю Возрождения в университете и беспокоится, что любовь сына к машинам мешает учёбе. Мать тревожится за его безопасность. В их доме раннее взросление сына сначала выглядит как череда непослушаний и семейных споров.

Родители Дэвида

Немолодые жители Темпла, для которых сын — центр семейной жизни. Через их ожидание повествование показывает, что означает война для людей, не покидающих дома.

Курсанты и инструкторы

Арнольд, Гроувс по прозвищу Дьякон и Уайт появляются в годы обучения. Капитан Фут ведёт первые занятия в воздухе, Томми Эндрюс обучает высшему пилотажу. У каждого своё представление о дисциплине, способностях и лётном счастье.

Лётчики тридцать девятой эскадрильи

Майор Бранд командует частью. Капитан Уортингтон выводит патруль. Тимберлейк, Джимми Сент-Айвз, Клифф Чапмен и Джимми Холаберд составляют круг фронтовых товарищей. Разговоры в дежурной палатке и парижские встречи открывают разные стороны их жизни.

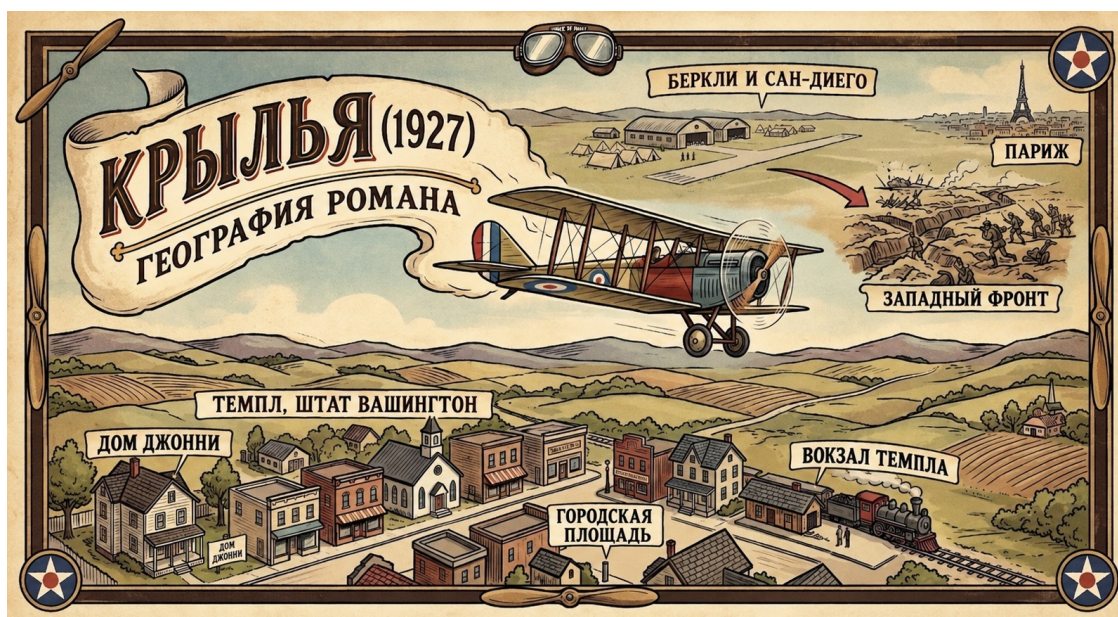
Кристин и Жюли

Парижские персонажи. Кристин знакомится с Джонни в «Фоли-Бержер». Жюли, пожилая служительница, помогает Мэри в трудную ночь. В шумном городе обе замечают то, что сам Джонни не умеет понять или выразить.

Старлинг

Американский авиатор из Йельского отряда. Его опыт плена и побега становится важен в одной из поздних частей романа.

География романа



Темпл и Сиэтл

Начало и завершение истории связаны с Темплом, университетским городом в штате Вашингтон. Улицы Малберри и Бич, соседские дворы, гараж, студенческие дома и семейные гостиные образуют мир довоенной юности. В Сиэтл Джонни отправляется на медицинское освидетельствование кандидатов в авиацию.

Калифорнийские школы

В Беркли находится школа военной авиации, где курсанты проходят наземную подготовку. Затем повествование переносится на аэродром Рокуэлл возле Сан-Диего. С лётными занятиями связаны также Импириал-Бич, Ла-Хойя, Сан-Луис-Рей и Фолбрук. Здесь знания о машине становятся практикой полёта.

Миссисипи, Флорида и путь через Атлантику

Аэродром Пейн в Уэст-Пойнте, штат Миссисипи, связан с подготовкой истребителей. Аэродромы Карлстром и Дорр в Аркейдии, Флорида, — с освоением одноместных машин и воздушной стрельбой. Из Хобокена Джонни отплывает во Францию; европейский этап начинается в Бресте.

Нью-Йорк

Здесь проходит подготовка Мэри в Женском автомобильном корпусе. Лонг-Айленд-Сити, клиники и Уордс-Айленд входят в её собственный путь к службе во Франции.

Иссудён и Казо

Французские пункты завершающей авиационной подготовки. В Иссудёне американские пилоты осваивают французские машины под руководством инструкторов с боевым опытом, в Казо совершенствуют воздушную стрельбу.

Туль, Верден и район Сен-Миеля

Основная фронтовая география связана с пространством между Маасом и Мозелем. В тексте появляются Туль, Нанси, Люневиль, Понт-а-Муссон, Мец, Тиокур, Монсек и Виньёль. Аэродромы, наблюдательные аэростаты, дороги и высоты имеют непосредственное значение для заданий лётчиков.

Париж

Город отпуска и встреч. Елисейские Поля, вокзал Сен-Лазар, Монмартр, бары, гостиница «Маделон» и «Фоли-Бержер» образуют пространство, где фронтовые привычки сталкиваются с мирной городской жизнью. Парижская линия связывает истории Джонни, Дэвида и Мэри.

Германский тыл и Мивель

Госпиталь, железная дорога, тоннель, лесные укрытия и аэродром возле Трира появляются в поздней части действия. Мивель, по авторскому написанию названия, — французская деревня, важная для заключительных фронтовых эпизодов. Эти места описаны здесь без раскрытия исхода событий.

Часть первая

Падающая звезда

Джонни Пауэлл подстригал лужайку на террасе, когда по Малберри-стрит проехал доктор Макробертс на своём новом открытом «форде». Почти все соседи уже знали, что доктор обзавёлся автомобильчиком. Маленький, далёкий от житейских забот человек с непредсказуемым нравом, он долго презирал и автомобили, и автомобилистов, так что его капитуляция перед новомодным прогрессом оказалась столь же внезапной, сколь неожиданной.

После одного урока, выслушанного с великим нетерпением, он заявил, что вполне способен управлять машиной самостоятельно. И вот Джонни Пауэллу довелось стать очевидцем первого плавания доктора на его новом судне.

Об одном продавец предупредить доктора забыл: передние колёса «форда» имели обыкновение вдруг начинать непонятно почему вилить из стороны в сторону. Тогда это называлось «шимми» — дело происходило в 1916 году до Ч., то есть до чарльстона.

Поэтому, когда посреди квартала передние колёса его автомобиля затрепетали, словно форелевый хвост, доктор растерялся. С такой чрезвычайной ситуацией его не ознакомили. Он предпринял единственное, что умел: нажал на ножной тормоз и резко свернул к тротуару.

При данных обстоятельствах решение было совершенно правильным. Недостаток докторского манёвра заключался лишь в том, что с перепугу он нажал не на тормоз, а на газ. Вдохновлённый этим «форд» перемахнул через бордюр, продрался сквозь кусты и полез вверх по лужайке Джонни Пауэлла. На середине подъёма двигатель заглох, и машина тут же поползла назад.

Доктор издал отчаянный вопль. Джонни бросил рукоятку газонокосилки, вскочил на подножку и повернул руль на пол-оборота, поставив автомобиль поперёк склона.

Доктор Макробертс, чьё достоинство изрядно растрясло, величественно сошёл на землю, нахлобучил шляпу, одёрнул манжеты и удалился, кипя негодованием.

Джонни Пауэлл побежал следом.

— Я спущу её вниз, доктор!

Доктор даже не замедлил шага и не повернул головы.

— Забирай себе! — отрезал он, решительным жестом отрекаясь от машины, и продолжил гневное шествие к трамвайной линии.

Джонни остановился. Не вполне веря в своё счастье, он осторожно свёл брошенный «форд» через тротуар на улицу. Потом принялся за рододендроны в полосе между тротуаром и мостовой: вырезал сломанные стебли, расправил примятые ветки. У маленького вяза — вот уж из-за чего расстроится отец! — он соединил края перелома и обмотал повреждённый ствол велосипедной изоляционной лентой. Затем притоптал следы колёс на мягком газоне и отправился в дом за матерью.

— Посмотри на мою новую машину, — сказал он с крыльца.

Мать с сомнением посмотрела на новенький «форд».

— Чья она?

— Моя, — ответил Джонни.

— Как это — твоя?

— Доктор Макробертс подарил.

— Почему?.. Каким образом?.. — растерянно начала мать.

Джонни рассказал о случившемся.

— А, понимаю, — сказала она: причуды доктора были ей не внове. — Ты должен немедленно отвезти её обратно.

— Но он уехал в центр.

— Тогда оставь перед его домом.

— Но он сказал, что она моя...

— Знаю, сынок. Только он говорил не всерьёз. Отвези обратно.

Джонни отвёз — с величайшей неохотой.

Но в четыре часа позвонила миссис Макробертс и сказала матери Джонни, чтобы тот пришёл и убрал машину с глаз доктора долой. Если оставлять её себе он не желает, сказала миссис Макробертс, которой докторские вспышки отнюдь не казались забавными, пусть отгонит её к озеру и утопит. Доктор наверняка испортил Пауэллам лужайку на большую сумму, чем стоит эта штука. И вообще он не хочет, чтобы ему напоминали о происшествии. Никогда.

Так Джонни Пауэлл приобрёл свой «форд».

Нельзя сказать, чтобы родители разделяли его восторг по поводу неожиданного подарка. Напротив, зная характер сына, они отнеслись к приобретению с глубокой тревогой.

Отец упорно отказывался заводить в семье автомобиль — по крайней мере, пока Джонни учился в университете. Он считал, что машина будет слишком отвлекать мальчика. Тот станет гонять как ветер, бесконечно возиться с мотором и уезжать по вечерам. Для сына это будет постоянным искушением, для матери — источником беспокойства. Поэтому старший Пауэлл купил жене закрытый электромобиль, показываться в котором Джонни решительно не желал.

Некоторое утешение миссис Пауэлл находила в том, что новая машина сына — всего лишь «форд». Разве «форды» быстро ездят? И разве слышно, чтобы молодые люди и девушки пускались в безумные ночные поездки на «фордах»? Такое бывает с мощными автомобилями...

Если бы мать могла увидеть ту сияющую картину, что вставала перед голубыми глазами Джонни, пока он разглядывал своего дарёного коня, спокойствия у неё поубавилось бы. Ибо Джонни видел перед собой не чопорный, высокий, чёрный родстер, а приземистую обтекаемую гоночную машину с ярко-жёлтым капотом и двумя глубокими сиденьями позади него.

Вот это да! Всего-то и нужно: разобрать кузов, поменять передаточное число, снять крылья с глушителем, перекрасить капот и колёса. Работа как раз для его умелых рук.

Когда Джонни свернул с подъездной дорожки на свой задний двор, Мэри-Луиза Престон сидела на ступеньках заднего крыльца и лушила горох, зажав между коленями миску с простым деревенским узором. Дворы Престонов и Пауэллов разделял только проулок — чистый, белый, вымощенный цементом. В Темпле, штат Вашингтон, все проулки были такими, по крайней мере в жилых кварталах. Дом Пауэллов выходил фасадом на восток, на Малберри-стрит, а дом Престонов — на запад, на Бич-стрит; задние дворы, таким образом, примыкали один к другому, если не считать проулка, тянувшегося через весь квартал.

Говорят, девушка из твоего родного города не окружена романтическим ореолом. Если это правда, то ещё меньше романтики в девушке, чей задний двор находится прямо напротив твоего.

Джонни Пауэлл вырос вместе с Мэри-Луизой Престон и не знал, как она хороша. Её свежая юная кожа, ровный рисунок губ и тёмные глаза могли бы вскружить голову почти любому — особенно теперь, когда она сидела в синем ситцевом платье с короткими рукавами, с жёлтой миской на коленях, а солнце рассыпалось искрами по её иссиня-чёрным волосам.

И всё же трудно было винить Джонни за то, что красота Мэри его не волновала. По десятку раз на дню он видел, как она выполняет самые обыденные материнские поручения, и едва ли существовало что-нибудь, чего он о ней не знал. Взять хотя бы её нижнее бельё — розовые комбинации, панталончики и трусики. Каждый вторник всё это представало его

взору, когда Эми, темнокожая прачка, вывешивала бельё Престонов на ветер. К Пауэллам она приходила по понедельникам.

Мэри не была для Джонни волнующей тайной. А жаль: ведь Мэри обожала Джонни Пауэлла.

— Новая машина? — изумлённо крикнула она через проулок.

— Ага.

Мэри отставила миску и подошла посмотреть. Её немного задело, что обычно она первой узнавала обо всём происходящем в жизни Джонни, а об этом он ей ничего не сказал.

— «Форд»?

— Ага.

— Я думала, отец не разрешает тебе иметь машину.

— Передумал.

Джонни поднял сиденье, вытащил свёрток с инструментами, развернул его, выбрал отвёртку и гаечный ключ и принялся за петлю правой дверцы. Вскоре он снял дверцу и прислонил к стене гаража.

— Ты её разбираешь? — недоверчиво спросила Мэри.

— Именно.

— Зачем?

— Всё лишнее сниму.

— Сделаешь гоночную!

— Конечно.

Мэри захлопала в ладоши.

— И красить будешь? Дай мне покрасить, Джонни! Можно? Дай я покрашу!

— Ладно, — сказал Джонни, снимая другую дверцу.

— В какой цвет, Джонни? В синий? Красный? Жёлтый?

— В жёлтый.

Так они договорились, что, когда машина будет готова, красить её станет Мэри. Джонни знал, что это у неё отлично получается: она перекрасила немало мебели у Престонов и отделала две комнаты наверху. А ещё писала акварели и всё такое.

В университет Мэри не ходила. Не потому, что отец не мог бы её туда отправить. Темпл был университетским городом, и он, пожалуй, сумел бы всё устроить. Но Мэри любила рисовать и играть на фортепьяно, а этим можно было заниматься и дома. К тому же мать не всегда хорошо себя чувствовала, и было удобно, что Мэри остаётся с ней.

Джонни Пауэлл в университете учился, хотя его отец, преподававший там историю Возрождения, вовсе не был уверен, что сыну там место. По правде говоря, успехами Джонни не блистал — особенно по обязательным предметам: граждановедению, экономике, истории и английской литературе. Мальчик хороший, говорил отец матери, только ему недостаёт целеустремлённости.

Выдающимися его качествами, по-видимому, были любовь к механике и страсть к скорости. В доме Пауэллов не находилось ни одного приспособления, которое не работало бы плавно и безотказно. Стоило упрямой оконной защёлке прищемить матери палец, как Джонни с маслёнкой и отвёрткой заставлял её щёлкать исправно. Ни скрипучих дверных петель, ни плохих электрических контактов, ни заедающих замков в доме не осталось. Всё покорялось его знающим рукам.

И что это были за руки! Длинные, прямые пальцы с плоскими кончиками и ухоженными ногтями. Руки хирурга, пианиста или ловкого напёрсточника. В кончиках пальцев таилось знание, в тонких запястьях — сила. Такие руки могли держать руль автомобиля — или, скажем, управлять аэропланом.

Пристрастие Джонни к скорости проявлялось во всём. Он косил газон с таким грохотом и напором, что почти скрывался в облаке срезанной травы, носясь от одного края террасы к другому. Когда ему поручали натирать паркет воском, а это случалось каждую субботу утром, он с такой скоростью гонял тяжёлую щётку взад-вперёд, что дубовый пол едва не шёл пузырями.

Ещё мальчишкой Джонни обладал самой быстрой самодельной тележкой на улице и самыми стремительными санками на горке, а на велосипеде никто из соседских ребят не мог за ним угнаться. Отец содрогался при мысли о том, что сын вытворял бы с автомобилем.

И вот автомобиль появился. К ужасу отца, к огорчению матери и к восторгу Мэри Джонни со всей серьёзностью принялся разбирать «форд».

Переделать «форд» — дело не такое простое, как кажется. Правда, кузов снимается легко: его держат всего восемь болтов, а чтобы отвалились крылья, достаточно отвернуть пару гаек.

Но когда доходишь до шасси, трудности только начинаются — если действительно хочешь получить гоночную машину. Прежде всего «форд» слишком лёгок и слишком высок, чтобы хорошо держаться дороги на большой скорости. Если собираешься разгоняться больше пятидесяти миль в час и не хочешь, чтобы задние колёса отрывались от земли, нужно понизить подвеску. Выдвинуть переднюю ось на несколько дюймов вперёд и подвесить двигатель к рессоре на двух вильчатых креплениях. А для этого требуются специальные детали. Джонни выписал их.

Из «форда» не выжмешь намного больше сорока пяти миль в час — разве что под гору. Добиться большей скорости можно двумя способами: поставить верхние клапаны или изменить передаточное число. Джонни Пауэлл сделал и то и другое.

Он заказал новые головки цилиндров и скоростные шестерни. Вскрыв картер дифференциала и установив новые колёса, он понизил передаточное отношение с трёх с половиной к одному до трёх к одному. Разгоняться машина будет не так резво, зато на прямой — ух!

Джонни очень хотелось купить гоночный кузов, но новые шестерни и клапаны съели все свободные деньги, и пришлось обойтись деревянной рамой, прикрученной к шасси.

Жестяник за мостом смастерил ему два глубоких сиденья, которые Джонни установил под наклоном позади рулевого колеса. У разборщиков за гаражом Бойла он за три доллара раздобыл бензобак «от старого „стутца“» и водрузил его на полку за сиденьями. Смотрелся бак внушительно, вмещал много бензина и заодно прижимал заднюю часть машины к земле.

Кроме того, жестяник надел на радиатор плотно подогнанный кожух из штампованной жести, скрывавший скромное происхождение автомобиля. Теперь перед вами был хоть «Блицен-Бенц», хоть «Испано-Сюиза» — пока не поднимешь капот и не увидишь маленький четырёхцилиндровый мотор.

Пока Джонни занимался этими таинственными операциями, Мэри орудовала скребком и банкой кислоты, снимая чёрную краску. Краска на «форде» держится насмерть: покрасишь поверхность — рано или поздно чёрный слой проступит. Нужно добраться до самой жести и начинать заново.

Они почти не мешали друг другу. Джонни по большей части лежал под машиной и, казалось, замечал присутствие Мэри лишь тогда, когда она капала ему краской в глаз или наступала на шею.

В тот день, когда Джонни снял глушитель, переполошились все соседи.

— Красота? — спросил Джонни с блаженным лицом, прислушиваясь к оглушительной череде взрывов.

Мэри, никогда прежде не слышавшая двигателя «форда» без глушителя, несколько опешила от его басовитого рёва, но согласилась, что это прекрасно.

— Вот погоди, ещёотрегулирую, — пообещал Джонни.

Часы, проведённые вдвоём на заднем дворе, были для Мэри-Луизы счастливыми. Ей нравилось работать вместе с Джонни, и она немало узнала об автомобиле. Она могла объяснить — Джонни ей рассказал, — что происходит с каплей бензина от той минуты, когда она попадает в бак, до той, когда вылетает из выхлопной трубы. Как она превращается в пар, взрывается и выводится наружу.

Мэри отличала впускной клапан от выпускного, маслопровод от водяной трубки. Знала, что такое коллектор, поршневое кольцо и диск сцепления. Освоила карбюрацию и зажигание, могла проследить устройство охлаждения и смазки — всё то, что Джонни понимал от природы. И Джонни обещал научить её водить, когда машина будет готова.

Втайне Мэри огорчалась, видя, что великая работа подходит к концу. Значит, больше не будет этих дней на заднем дворе с Джонни. Но она надеялась, что вместо них будут другие — на открытой дороге.

Мэри считала, что в день спуска «Падающей звезды» нужно устроить какое-нибудь крещение. Во всяком случае, именно она назвала её «Падающей звездой» и нарисовала на капоте звезду — красную, с огненно-жёлтым хвостом.

— Почему падающая звезда? — поинтересовался Джонни.

— Ну... — нерешительно ответила Мэри. — Она похожа на падающую звезду. И потом, разве ты не слышал, что про них говорят?

— Нет. А что?

— Ну... говорят... когда увидишь падающую звезду, можно поцеловать девушку, которую любишь.

Покраснев до ушей, она склонила голову по другую сторону капота.

— Может, и поцелую, — ответил Джонни, и перед его мысленным взором возникли белокурая головка и бледное, обращённое к нему лицо.

Бедная Мэри. Краска сбежала с её щёк.

О церемонии крещения она Джонни не сказала: он мог рассмеяться, а ей было больно, когда Джонни смеялся над её выдумками. Но она жила ожиданием великой минуты, когда «Падающая звезда» будет готова, Джонни скажет ей садиться — и они умчатся. Точного времени первого выезда он не назначал, однако Мэри полагала, что это случится в субботу после обеда, когда высохнет краска. Вот машина уже стоит на заднем дворе, вся в новом пламенном уборе, словно припав к земле перед рывком.

Но на первую прогулку в «Падающей звезде» Джонни Пауэлл взял не Мэри.

В пятницу после обеда она пила чай у Кэролайн Хотчкисс. Возвращаясь домой, увидела, как по Гроув-стрит промчался канареечно-жёлтый родстер. «Падающая звезда». За рулём — Джонни, а рядом с ним девушка.

Мэри остановилась, поражённая. Первый выезд! Самый первый! И он взял другую. О Джонни, Джонни... На глаза навернулись слёзы — от разочарования, унижения, уязвлённой гордости. На первую поездку Джонни пригласил другую девушку. Мэри кое-как добралась до дому и убежала наверх, к себе.

Джонни никогда не говорил ни о точном времени выезда, ни о том, что сперва покатает именно её. Но ведь естественно было ожидать, что он возьмёт её, правда?

Девушку она увидела лишь мельком, но сразу поняла, что это Сильвия Льюис, по которой Джонни, как говорили все, сходил с ума. Никто не знал, зачем Сильвия выбрала этот тихий маленький университет на Западе, когда могла учиться где угодно. Кто-то говорил — из-за здоровья.

Она жила на Востоке, в Балтиморе или где-то поблизости, и происходила из богатой семьи. По крайней мере, одевалась и разговаривала соответственно. У неё было отрывистое аристократическое произношение и несколько высокомерные манеры. Тонкая, чуть поникшая

фигура, бледная кожа, серые глаза — и особый взгляд. А ещё она была блондинкой: такой, при виде которой расширяются глаза и перехватывает дыхание.

Во время занятий Сильвия жила в доме студенческого сестринства «Каппа», прямо напротив «Сигма Хи», к которому принадлежал Джонни. Почему юноши всегда увлекаются именно такими девушками?

Подъехав за Сильвией на «Падающей звезде», Джонни застал её на подвесной скамье веранды «Каппы»: она мечтательно беседовала с Дэйвом Армстронгом. Тогда Джонни, верный своей натуре, схватил её за руку и увёл от собеседника. Мало того: желая как следует устроить Сильвию на голом сиденье, он ухватился за угол подушки, выглядывавший из-под мистера Дэвида Армстронга, и здорово дёрнул. Мистер Дэвид Армстронг оказался на полу.

С этой наблюдательной позиции Дэвид увидел, как Джонни Пауэлл галантно усаживает Сильвию в новую машину и увозит прочь.

Едва ли во всей этой процедуре нашлось бы хоть что-нибудь, способное возвысить Джона Пауэлла в глазах Дэвида Армстронга. Но, поднимаясь с пола и отряхивая белые брюки, он всё же сумел улыбнуться дерзости поступка.

Таков был Армстронг. Он мог улыбаться, потому что был уверен в своих отношениях с Сильвией. К тому же Джонни только что совершил нечто такое, на что сам Армстронг никогда не решился бы. Сын немолодых, богатых родителей из Темпла, он вырос в атмосфере мягких манер и благовоспитанной сдержанности. Безумной порывистости Джонни в нём не было.

Джонни Пауэлл, однако, принимал природную сдержанность Дэвида за сознание своего превосходства и богатства. Внешность Армстронга лишь усиливала впечатление: высокий, невозмутимый, он держался с какой-то серьёзной уверенностью.

Любой, кроме разве что Джонни Пауэлла, понимал: нежной Сильвии скорее придётся по сердцу вдумчивость Армстронга, чем лихость Джонни.

Но объяснить это Джонни не мог никто, и уж меньше всего — Мэри. Для неё это стало первым сердечным ударом. И всё же мстительность была совершенно чужда её натуре. Услышав позднее, как Джонни зовёт её с заднего двора, она спустилась.

— Прокатимся немного?

— С удовольствием, — бодро сказала она и даже сумела улыбнуться, забираясь в машину.

«Падающая звезда» прославилась по всему Темплу и окрестностям. Дамы с детскими колясками останавливались и цокали языками, пожилые джентльмены замирали на углах и качали головами, а мальчишки вопили от восторга, когда Джонни проносился мимо.

Он даже стал неназванным героем мрачно-пророческой передовицы в «Темпл видетт». Статья обличала сынков богачей на мощных автомобилях. То, что отец Джонни не был богачом, а его машина оставалась «фордом», ничуть не мешало выводу: молодое поколение несётся навстречу беде с чертовской скоростью. Джонни внушал всеобщую тревогу.

Он стал «тем мальчишкой на жёлтой гоночной машине».

Его называли главным любителем скорости в Темпле; по слухам, он сжигал дороги тихого городка и его окрестностей. Словом, он превратился в Пауэлла-Лихача.

Слухи доходили и до отца, но тот знал, что «мощный автомобиль» — всего лишь разряженный «форд». К тому же машина принадлежала самому Джонни: он потратил на неё многие недели и все карманные деньги. Пока сын не попадал в аварии, не нарушал законов и не задерживался допоздна, профессор, человек справедливый, не видел оснований вмешиваться. Конечно, он предпочёл бы, чтобы автомобиля у Джонни вовсе не было. Но с совершившимся фактом спорить не стал. Правда, университетские успехи Джонни от появления «Падающей звезды» определённо не улучшились.

За восемь тысяч миль от маленького университетского города, где жил своей жизнью белокурый голубоглазый Джон Пауэлл, два джентльмена обменивались приветствиями.

Джентльмены находились на высоте трёх тысяч метров и следовали в противоположных направлениях. Один направлялся за французскую линию фронта с целью военной разведки. Другой собирался сделать то же самое над германскими позициями. Встретившись, они отсалютовали друг другу, как и подобало двум офицерам, занятым самым опасным развлечением своего времени — полётом. Идущие на смерть приветствуют идущих на смерть.

Но на следующий день в тот же час один из идущих на смерть уже не приветствовал другого. Он вытащил табельный револьвер и пальнул во французского лётчика.

До той минуты все, в общем, сходились во мнении, что полёт сам по себе достаточно опасен, чтобы добавлять к нему новые риски. Поднять в воздух одну из ранних коварных, неустойчивых машин и удержать её там уже считалось делом довольно ненадёжным. Полагали, что отдачи ружья или веса бомбы хватит, чтобы нарушить хрупкое равновесие аэроплана.

Но после того выстрела любезностям пришёл конец. Назавтра француз поднялся с винтовкой. Немец взял собственного стрелка с самозарядным дробовиком. Вскоре они уже палили друг в друга из пулемётов. Война в воздухе началась.

Тому первому выстрелу предстояло изменить судьбу голубоглазого юнца в университетском городке на Западе, за восемь тысяч миль оттуда. Ибо Джонни Пауэлл услышал шум крыльев. Со временем этот звук должен был становиться для него всё громче.

Вести о подвигах авиаторов время от времени достигали города. Был Наварр, гладколицый французский юноша, на счету которого значилось четырнадцать самолётов. Был Гинемер, ас из асов, двадцатилетний пилот «с лицом девушки и сердцем француза». Был капитан Болл из Королевских военно-воздушных сил, сражавшийся с германским сверхъестественным Иммельманом в заранее условленной дуэли на виду у обеих линий фронта. Были капитан Бёльке и барон фон Рихтгофен из императорской авиации; Виктор Чапмен, Норман Принс, Рауль Лафбери и Киффин Рокуэлл из эскадрильи «Лафайет».

Джонни Пауэлл читал любую заметку об этих необыкновенных лётчиках. Он знал ходившие о них легенды, их биографии и приёмы нападения. Знал, например, что Иммельман бросался на жертву с огромной высоты, стрелял на проходе и, если противник не падал, никогда не возвращался для повторной атаки.

Наварр мчался прямо на врага, кружил вокруг и изматывал его сбивающим с толку огнём. А если противник пускался наутёк, неизменно преследовал его: носился над ним и вокруг, как злая оса, треща пулемётом.

Самый быстрый глаз, конечно, был у Гинемера: он сбил три германских самолёта за сто пятьдесят секунд — величайший воинский подвиг из всех, что совершались в воздухе. Он использовал любые способы нападения: стрельбу с одной высоты с противником, внезапный смертоносный бросок из-за облаков, ястребиный удар сверху.

Но всё это было очень далеко.

Затем, в марте 1917 года, германские подводные лодки потопили четыре американских судна — «Виджилансию», «Сити оф Мемфис», «Иллинойс» и «Хилдтон», — а также торпедировали американский грузовой пароход «Ацтек». Война подошла к самому порогу Джонни.

Восемь часов вечера, 2 апреля 1917 года. В Капитолии, в Вашингтоне, президент обратился к напряжённо слушавшему его Конгрессу:

«С глубоким сознанием торжественности и даже трагичности предпринимаемого мною шага... я рекомендую Конгрессу объявить, что последние действия императорского германского правительства в действительности означают не что иное, как войну против правительства и народа Соединённых Штатов; официально признать то состояние войны, которое нам навязано...»

На следующий день всё переменилось.

За одну ночь университетский городок приобрёл иной облик. На ступеньках, в коридорах, вдоль дорожек собирались возбуждённые кучки студентов. Воздух звенел от новостей.

Лекции стали бледными и обыденными. Учёба разом показалась невыносимо скучным, будничным занятием.

Разъехались быстро: в береговую артиллерию, в офицерские учебные лагеря, на военноморские учебные базы, в интендантский корпус, в санитарные отряды. В Пресидио, в Кэмп-Льюис, в Бремертон, в Аллентаун. Главное — попасть туда немедленно. В аудиториях оставались маленькие группки. Профессора химии спешно убывали. Ректора вызвали в совет безопасности.

Вся беда заключалась в том, что Джонни Пауэллу было всего восемнадцать. В офицерский лагерь его не брали. Его вообще никуда не брали — если не соврать о возрасте.

Все советовали держаться. Чёрт возьми, он ещё слишком молод — пусть подождёт.

Отец сказал, чтобы он ничего не предпринимал. Пусть продолжает учиться, и, когда придёт время, будет лучше подготовлен к любой службе, на которую его призовут.

— Обещай мне, сынок, — говорила мать со слезами в глазах, — что ничего не сделаешь. Джонни обещал.

Некоторое время он держался довольно стойко: все хлопали его по плечу и уверяли, что остаться требует большего мужества, чем умчаться при первом звуке трубы.

Но однажды утром он увидел в газете сообщение, от которого сердце подпрыгнуло. Заметка была невелика, однако ей предстояло изменить направление его жизни: в Сиэтле открывался приёмный пункт для кандидатов в американскую авиационную службу. Джонни вышел из дому с сияющими глазами.

Мэри увидела, как он заводит машину рукояткой.

— Куда едешь?

— Так, немного прокатиться, — осторожно ответил Джонни.

— Возьмёшь меня?

Секунду он смотрел на неё.

— Ладно, садись.

Она ещё никогда не видела, чтобы Джонни вёл машину так быстро и так хорошо. Одно удовольствие было сидеть рядом: жёлтый родстер повиновался ему без малейшего усилия. Они мчались в утреннем солнце — простоволосые, без пиджаков, в открытой машине, обгоняя всех на дороге; платье Мэри раздувалось на ветру.

Лишь в Сиэтле Мэри узнала, куда они направляются. Джонни оставил автомобиль перед муниципальным зданием, велел ей подождать и сказал, что задержится «на несколько минут». Мэри прождала два часа.

Когда Джонни вошёл в приёмную, там уже находились два юноши из Темпла. Один — Герман Швимпф, другой — Дэйв Армстронг. Против Германа Джонни ничего не имел: забавный с виду, безобидный малый, зарабатывавший на университет ночной работой в гараже. А вот присутствие Армстронга почему-то его раздражало. Казалось, куда ни сунься — Армстронг уже впереди.

Армстронга вызвали первым, поскольку его фамилия начиналась на «А». Тогда Джонни впервые усвоил то, что ему предстояло усваивать снова и снова: в этой армии близость к началу алфавита даёт огромное преимущество.

Смотреть, как Армстронг входит раньше него, было мучительно, но Джонни старался утешиться мыслью: вдруг тот не выдержит испытаний? Говорили, они довольно суровы. Заставляют зажать иглу между большим и указательным пальцами, а потом неожиданно стреляют из пистолета возле уха — смотрят, дрогнешь ли и пустишь ли себе кровь. Хотя, может, всё это враки.

— Пауэлл!

— Да, сэр!

— Входите, Пауэлл.

Джонни последовал за человеком в форме.

— Возраст?

— Девятнадцать.

— Сколько весите, Пауэлл?

— Сто сорок два фунта.

— Раздевайтесь.

— Вот, — сказал врач помощнику, когда Джонни остался совершенно голым, — именно такие юноши нам и нужны.

— Да? — отозвался тот. — Небось барабанная перепонка утолщена, или сердце прокурено, или грыжа, или ещё что. У таких многообещающих с виду обычно что-нибудь да не в порядке.

Врач приложил стетоскоп к сердцу и лёгким Джонни, привычно простучал пальцем грудь и верхнюю часть спины, обернул руку резиновой манжетой, измерил давление, диктуя помощнику, державшему блокнот:

— Норма. Норма. Норма.

— Когда кресло остановится, смотрите в одну точку на стене.

Кресло замерло, и Джонни тщетно пытался удержать перед собой расплывающуюся стену, пока врач, приблизив лицо на дюйм, пристально вглядывался в его глаза. Как только их движение прекратилось, щёлкнул секундомером.

— Нистагм вправо — норма.

В тёмной комнате Джонни читал освещённые таблицы правым глазом, левым, обоими; слушал тиканье часов, которые отодвигали от уха на разное расстояние; стоял на одной ноге с закрытыми глазами. Словом, у него проверили глаза, уши, сердце, равновесие и взяли анализы крови и мочи.

— Всё, Пауэлл. Можете одеваться.

— Да, сэр.

Первое представление о том, что происходило внутри, Мэри получила, когда увидела Дэвида Армстронга, спускающегося по ступеням здания.

— Здравствуй, — сказал он. — Ты-то что здесь делаешь?

— Жду Джонни Пауэлла.

— Сейчас должен выйти. Когда я уходил, он одевался.

— Одевался? — переспросила Мэри.

— Здорово нас там погоняли, — сказал Дэйв. — Я и не подозревал, сколько всего нужно, чтобы стать авиатором.

— Авиатором?

— Если что-нибудь не так, уж они непременно отыщут.

Дэвид направился к своей машине, не подозревая, что выдал секрет поездки Джонни.

Мэри всё поняла. Вот оно что! Джонни пытается поступить в авиацию. Поэтому и не хотел брать её с собой. Поэтому... но что скажет его мать?..

Когда Джонни спустился по лестнице, Мэри вопросительно посмотрела на него — как посмотрела бы почти любая девушка, которую на два часа оставили в открытом автомобиле у тротуара. Однако Джонни ничего не объяснил, а она не стала допытываться.

Он умолчал о своём поступке по двум причинам. Во-первых, боялся, что Мэри проговорится матери. Во-вторых, ещё не знал, прошёл ли лабораторные исследования; было бы униительно потом признаваться Мэри, что его забраковали.

Мэри догадалась, что у него на уме, и решила подождать, пока он сам всё расскажет. Зато почти сразу ей пришла другая мысль. У неё нет хорошей фотографии. Во всяком случае такой, которую Джонни мог бы взять с собой на войну. А уж попросить её он, конечно, попросит. Да, непременно нужно сняться как следует...

Со дня медицинского освидетельствования Джонни Пауэлл ходил по дому с маленькой яркой искрой в глазах и держал голову так, словно прислушивался к далёкому, едва различимому шуму крыльев.

Его сдерживаемое возбуждение неизбежно передавалось матери. Озадаченная и встревоженная, она чувствовала: в жизни Джонни назревает нечто важное.

Впрочем, гадать ей не пришлось: события ближайших недель раскрыли правду.

Профессор Пауэлл уже несколько недель беспокоился о сыне. Он чувствовал: приближается час, когда придётся серьёзно поговорить с ним об автомобиле. К несчастью, старый джентльмен услышал, как кто-то назвал Джонни «беспутным», и это его немало задело. Конечно, его сын не беспутный. Для Темпла, пожалуй, чересчур стремительный, немного легкомысленный — но не беспутный.

Однако после того, как с ним на улице заговорили один-два приятеля, он начал понимать, каким видят Джонни окружающие. Постепенно до него дошло: Пауэлла-Лихача считают самым отчаянным юнцом в городе.

Мягкий седовласый профессор был крайне встревожен. Эта жёлтая машина! Надо поговорить с сыном.

Во вторник той недели профессор Пауэлл получил извещение: сын провалил три из пяти экзаменов за триместр и потому переведён на испытательный срок. Профессор положил синюю карточку на стол и сжал губы.

В среду он по ошибке вскрыл конверт, адресованный Джону Пауэллу-младшему, и обнаружил повестку в дорожный суд за нарушение постановления 113-А. Выяснилось, что Джонни открыл обходной клапан глушителя в самом центре города, а полицейский у перекрёстка возле банка заметил номер машины.

В тот же день мать Джонни нашла в кармане костюма, который собиралась отдать в чистку и глаженьё, другую повестку: сыну надлежало явиться к судье Сету П. Макинтайру по обвинению в нарушении дорожного постановления 113-Б. Согласно протоколу, он ехал со скоростью пятьдесят пять миль в час там, где разрешалось двадцать.

Родители долго совещались наедине. Мальчик определённо отбилсЯ от рук.

Но и это было ещё не всё. Тем вечером зашёл поболтать судья Макинтайр, живший в том же квартале и давно друживший с профессором.

— Насчёт этой жёлтой гоночной машины вашего сына... — обронил он во время беседы.

Неужели профессор Пауэлл действительно считает, что такое приобретение идёт мальчику на пользу?

Он спрашивает потому, объяснил судья, что Джонни уже дважды представал перед дорожным судом за превышение скорости и оба раза отделялся условным наказанием. Если попадётся в третий раз, судье Макинтайру не останется ничего другого, как согласиться с полицией и лишить его водительских прав.

Тут раздался звонок, и профессор Пауэлл принял ещё одного посетителя. Пришёл мистер Уизерспун, державший овощную лавку на углу Десятой и Гроув.

Ему очень не хотелось объяснять цель визита, сказал мистер Уизерспун, но он счёл своим долгом довести происшествие до сведения профессора. Позавчера его развозная повозка стояла перед магазином. Из-за угла Гроув вылетела машина, и водитель открыл клапан глушителя как раз поравнявшись с лошадью. Та понесла, попятилась прямо в витринное стекло и немало испортила товару.

Мистер Уизерспун уже вставил новое стекло и возместил запасы, но ему всё же кажется, сказал он, что расходы — или хотя бы их часть — должен понести виновник. Он не хотел бы беспокоить профессора, однако автомобиль был жёлтый, открытый...

— Будьте уверены, — мрачно ответил профессор Пауэлл, — если виноват мой сын, ваши убытки будут должным образом возмещены.

Все трое услышали рёв открытого глушителя на улице. По стене дома скользнули фары, хлопнули двери гаража. В следующую минуту распахнулась входная дверь, и предмет их разговора вошёл в прихожую.

— Сынок! — позвал профессор.

— Да, сэр?

— Зайди сюда на минуту, пожалуйста.

Джонни Пауэлл вошёл в гостиную.

То, что последовало, было мучительно и для профессора, и для сына. Рано или поздно разговор должен был состояться, и отец заставил себя приступить к делу. Вообще-то робкий, когда требовалось проявить власть, он решил воспользоваться минутой: положение стало почти критическим, а присутствие двух мужчин давало ему нравственную поддержку.

Джонни без труда признал справедливость обвинений, но не выказывал ни смущения, ни беспокойства. Некоторый интерес появился у него лишь тогда, когда отец перешёл к главному.

— Я пришёл к выводу, — сказал отец, — что держать эту машину тебе неразумно. Думаю, если устранить отвлекающее обстоятельство, ты обратишься к более серьёзным занятиям. Боюсь, я должен запретить тебе выезжать на ней из гаража...

Как! Отнять у него «Падающую звезду»? Да это его машина. Ему её подарил доктор Мак-робертс. И переделал он её на свои карманные деньги!

Да, но окно и штрафы? Платить придётся отцу. А Джонни прекрасно знает: Пауэллы не могут позволить себе такие расходы...

Джонни сказал, что как-нибудь заработает и расплатится.

Но синяя карточка? Дело ведь не только в безрассудной езде: учёба у него разваливается. Похоже, он вообще ни о чём, кроме машины, не думает. Нет, будет лучше, если автомобиля у него не станет — хотя бы на некоторое время.

Но для Джонни позор лишиться машины, той самой «Падающей звезды», которую знали все, был невыносим. Как он покажется друзьям? Они, он заранее знал, засмеют его до смерти. И потом, машина его. Его собственная. Голос повысился. Джонни открыто взбунтовался.

Перед профессором Пауэллом встала трудная задача. Никогда ещё дело не подходило так близко к открытому разрыву с сыном. И всё же он понимал: отступи он теперь, да ещё при этих людях, — и навсегда утратит власть над ним. Нужно заставить мальчика подчиниться.

— Сын мой, — начал он твёрдым голосом, — ты идёшь по неверному пути. Ты идёшь навстречу беде. Пренебрегаешь учёбой, забываешь о доме, огорчаешь мать. Похоже, большую часть времени ты проводишь, летая в этой жёлтой машине. И нарушая законы...

— Но, папа...

— Выслушай меня, сынок. Я лишь сейчас понял то, что, кажется, знают все остальные: ты совершенно отбился от рук. Ты становишься своевольным, упрямым, безрассудным юношей. Несёшься чересчур быстро. Мне стало ясно, что ты и твой автомобиль представляете опасность на улицах нашего города...

Джонни фыркнул.

— ...и я намерен немедленно положить этому конец, прежде чем ты серьёзно покалечишь себя или другого человека. Ты понял?

Джонни враждебно кивнул.

— Прекрасно. Больше ты не выедешь на этой машине из гаража, пока я не разрешу.

— Но, папа...

— Это окончательно.

— Но, папа! — страстно вскричал Джонни. — Ты не можешь её отнять! Она моя!

Профессор Пауэлл, бледный и неподвижный, посмотрел на сына.

— Я запрещаю тебе даже садиться в неё.

— Я ничего не обещаю!

— Сын!

Профессор поднялся.

— Ты отказываешься повиноваться отцу?

Они стояли друг против друга: Джонни — раскрасневшийся и дрожащий, отец — бледный и безмолвный. Мать, привлечённая горячими голосами, подошла к дверям и, никем не замеченная, стала несчастной свидетельницей их столкновения.

В напряжённой тишине комнаты слабо прозвучал звонок у входа. Мать Джонни повернулась и пошла открывать.

— Где расписаться? — услышали они.

Через минуту она вернулась и протянула сыну телеграмму.

— Это тебе, сынок, — сказала она с тревогой в голосе.

Насколько ей было известно, Джонни ещё никогда в жизни не получал телеграмм.

Джонни взял конверт, взглянул на него, на мать и попытался сунуть в карман, будто ничего важного не случилось.

— Разве ты её не откроешь?

Он посмотрел на мать отчаянным взглядом человека, загнанного в ловушку. Что-то подсказывало ему: сейчас самое неподходящее время открывать эту телеграмму. Но выхода не было.

Нерешительно он вскрыл клапан конверта:

«Настоящим уведомляем о зачислении Вас рядовым первого класса авиационного отделения резервного корпуса связи. Вам надлежит немедленно отправиться в Беркли, Калифорния, и по прибытии явиться к начальнику школы военной авионавтики...»

Выражение лица выдало его матери. Она протянула руку за жёлтым бланком.

Медленно, очень медленно смысл телеграммы дошёл до неё. Когда она подняла голову, глаза блестели от слёз.

— Ах, сын мой... Милый мой, родной мой сын...

Они обнялись.

Профессор Пауэлл взял телеграмму из её пальцев, поправил очки и склонился над текстом. Потом с мужественным, решительным достоинством обратился к двум мужчинам в комнате:

— Господа, мой сын уходит на войну.

Он отвернулся. Гости отыскивали шляпы и тихонько вышли.

В половине десятого того же вечера Сильвия Льюис сидела за изящным секретером на тонких ножках в маленькой гостиной дома «Каппа» и делала надпись на обороте небольшой квадратной фотографии. Закончив, она подняла снимок, ещё раз прочла написанное, затем, по-видимому оставшись довольной, промокнула чернила и стала вставлять карточку в крошечный серебряный футляр. Дэвид должен был зайти попрощаться: сегодня вечером он уезжал в школу наземной подготовки.

В дверь заглянула одна из девушек.

— Твой гость пришёл.

— Пусть войдёт, — сказала Сильвия, не поднимая головы.

Она услышала, как дверь открылась и закрылась. Но когда взглянула, увидела перед собой не Дэвида, а Джонни Пауэлла.

— Ах! — вырвалось у неё.

Инстинктивно она захлопнула футляр и накрыла ладонью.

Этот жест выдал её Джонни. Он стоял и улыбался её замешательству. Сильвия почувствовала, как кровь приливает к лицу.

— Покажи, — озорно потребовал он.

— Нет... нет...

— Покажи...

Его ладонь легла поверх её руки, и он начал высвобождать медальон из пальцев.

— Джонни, пожалуйста... пожалуйста!..

Бесполезно. Футляр уже был у него, и он его открывал. Сильвия стояла и беспомощно смотрела.

Она увидела, как неожиданное счастье озарило его лицо, когда он взглянул на миниатюру.

— Ты знала, что я уезжаю!

Она смотрела на него, не находя слов.

— И знала, что мне захочется взять твою фотографию с собой. Господи, Сильвия, какая прелесть!

Сильвия смотрела в растерянности. Вдруг до неё дошло: Джонни решил, что портрет предназначен ему.

— Но я... но...

— Ты не представляешь, что для меня значит иметь твою фотографию при себе. Это... это всё!

— Но, Джонни...

— Сильвия, как чудесно, что ты подумала об этом! Я буду хранить её всегда. Всегда при себе.

Он восторженно смотрел на маленькую белокурую головку в медальоне.

Бедная Сильвия. Теперь сказать ему правду было невозможно.

— Ты будешь мне писать, Сильвия? — горячо просил он. — Так же часто, как я тебе?

— Конечно, Джонни.

Но когда он попытался поцеловать её на прощание, она отстранилась.

Армстронг узнал обо всём, когда пришёл полчаса спустя.

— Пусть оставит себе, — сказал он, — если это делает его счастливым. Мне всё равно, пока я знаю, что ты моя, Сильвия.

— Он не должен узнать, — задумчиво пробормотала она.

А когда Дэвиду пришло время уходить, Сильвия сама подставила ему губы — свободно, без всякой сдержанности.

У Мэри Престон фотография для Джонни уже была готова, когда он зашёл попрощаться.

— Ну, пока, — сказал он. — «Падающая звезда», пожалуй, теперь твоя. Только не разбей: когда вернусь, она мне ещё может понадобиться. И, ради всего святого, не ездь с вытянутой воздушной заслонкой. Свечи закидаешь.

Мэри, у которой разрывалось сердце, смогла лишь молча кивнуть. Он даже не попросил у неё фотографии.

Когда он ушёл, когда стало несомненно, что он действительно уехал, когда поезд покинул станцию, Пауэллы вернулись с вокзала и в их доме погас свет, Мэри прокралась в тихий пустой двор Джонни, забралась в «Падающую звезду», положила голову на руль, помнивший прикосновение его рук, и заплакала.

А Джонни Пауэлл счастливо отправился на войну с фотографией другой девушки в серебряном медальоне на шее. С портретом белокурой девушки, на обороте которого была нежная надпись. Она гласила:

«Дэвиду Армстронгу, с самой сердечной любовью.

Сильвия».

Вот так Джонни Пауэлл ушёл на войну.

Часть вторая

Вы только на его уши поглядите

Загорелые, всезнающие выпускники школы военной авиации армии Соединённых Штатов в Беркли, Калифорния, с язвительным удовольствием разглядывали прибывший отряд. Они знали, какой изнурительный и ненадёжный путь ведёт к тому месту, где стояли теперь сами.

- Вы только на их уши поглядите...
- Батюшки, вот так солдатик...
- А вот и авиатор — уши-то какие...
- Не иначе сам Иммельман...
- На УШИ его поглядите...

Под лёгким обстрелом курсантских острот Пауэлла-Лихача, Дэвида Армстронга, Германа Швимпфа и прочих смущённых новоприбывших промаршировали к окошку интенданта за обмундированием. Час спустя Джонни разглядывал широкие рыжевато-коричневые носы казённых ботинок и размышлял о том, что он теперь в армии.

Обучение военной авиации в Беркли, как вскоре выяснили курсанты четырнадцатого отряда, мало напоминало полуночную прогулку с прекрасной девушкой в благоухающий летний вечер.

Эти отборные юноши поступали отрядами по девяносто человек, а выпускались после восьми недель напряжённой подготовки отрядами по тридцать. Выдерживали только самые сообразительные. Из сливок молодёжи, попавших в школу наземной подготовки, авиационной службе требовались лишь сливки сливок.

Как говорили, полностью подготовленный авиатор обходился правительству в пятьдесят тысяч долларов. Столько требовалось на образование, обучение и снаряжение пилота для узкоспециальной службы в военной авиации. Поэтому военному министерству следовало отбирать только юношей с безупречным здоровьем и совершенным чувством равновесия, в возрасте от девятнадцати до двадцати пяти лет. Ибо, как выяснили французы на опыте своих лётчиков, «до девятнадцати они слишком смелы, после двадцати пяти — слишком осторожны».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.